

Щепетевъ, такъ безпощадно удалившій Делекторскаго и Сидонскаго главнымъ образомъ изъ желанія угодить своему патрону, между тѣмъ продолжалъ терпѣть наставниками въ академіи такихъ лицъ, какъ Ивановъ, профессоръ церковнаго краснорѣчія, и Колоколовъ, бакалавръ греческаго языка. Объ Ивановѣ хоть и говорится въ № 9 «Вѣстника Европы» 1872 г., но не вполне удовлетворительно. Трудно было найти между академическими магистрами кого-нибудь другого, кто бы такъ мало имѣлъ способности къ занятію профессорской катедры, притомъ по словесности въ высшемъ учебномъ заведеніи. Его вовсе нельзя было назвать глупымъ, безталантливымъ человѣкомъ. Онъ имѣлъ довольно много разнообразныхъ свѣдѣній и могъ на бумагѣ излагать свои мысли очень основательно. Если онъ въ классѣ разбиралъ сочиненія студентовъ или проповѣди церковныхъ отечественныхъ ораторовъ и если у кого-либо доставало терпѣнія выслушать его до конца, то можно было воспользоваться многими весьма дѣльными замѣчаніями. Но трудно не только найти, а даже придумать профессора, который былъ бы скучнѣе, невыносимѣе его. Не говорю объ его рукописныхъ лекціяхъ по церковному краснорѣчію; онѣ достаточно оцѣнены въ «Вѣстникѣ Европы»; прибавлю здѣсь, что онѣ становились еще скучнѣе, невыносимѣе, когда излагались профессоромъ въ классѣ изустно, «viva voce», или справедливѣе сказать «morta voce», не живымъ, а мертвымъ, мертвящимъ языкомъ. Въ обыкновенныхъ разговорахъ Ивановъ хотя и не отличался особенною бойкостью рѣчи, но все-таки говорилъ довольно ясно, не растянuto. Но на лекціяхъ періоды, имѣ произносимые, часто растягивались на нѣсколько минутъ; чуть не каждое слово отдѣлялось отъ своего сосѣда паузою чуть не за каждымъ словомъ, по пословицѣ, профессоръ какъ будто дѣйствительно «лазилъ въ карманъ»; даже одно и то же, особенно многосложное слово раздѣлялось у него на двѣ части: напр. произнося слова: *проповѣдничество* или *котораю*, Ивановъ сначала говорилъ *проповѣд* и *кото*, потомъ, вздохнувши, добавлялъ *ничество* и *раю*. Прибавьте къ этому самую вялую, безжизненную рѣчь, не одушевляемую ни жестами, ни измѣненіями интонаціи въ голосѣ, ни выраженіемъ глазъ и пр., и тогда поймете, что за наказаніе было сидѣть въ классѣ часа полтора у такой муміи-профессора. Чужаки иногда не обращали вниманія на звонокъ и продолжали свои дыхательныя импровизаціи послѣ него. И безъ того студенты не любили у него сидѣть, и если и сидѣли, то предавались мечтамъ, или читали что-нибудь свое; а тутъ уже не выдерживали, уходили одинъ